

Зоя Межирова



Часы Замоскворечья



Зоя Межирова
Часы Замоскворечья

ИП «Центр современной литературы»

Межирова З.

Часы Замоскворечья / З. Межирова — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-057-0

Зоя Межирова, которая выпустила в России две книги стихов, продолжает писать и публиковать их, живя в штате Вашингтон, США. У нее несомненный лирический дар, а то одиночество, на которое она обречена, судя по ее лирическим признаниям, является замечательным допингом для творчества. Как говаривал князь Вяземский: «Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекрасная струна его лиры». Говоря об одиночестве, имею в виду прежде всего лингвистическое: даже граждане русской диаспоры стараются заменить родной язык благоприобретенным воляпюком. Еще один двигатель поэзии Зои Межировой — бессобытийность ее американской жизни, даже если эта бессобытийность кажущаяся: «Весь мой бессобытийный, на разлуку потраченный год...» Напомню, что один из лучших рассказов Чехова — «Скучная история». Нет, я далек от того, чтобы сравнивать Зою Межирову с великим русским прозаиком, да и темперамент не тот. У нее как раз повышенная, драматическая реакция на мир окрест: именно ввиду этой — все равно, субъективной или объективной — бессобытийности. В этом манок ее поэзии, хоть и не единственный. Владимир Соловьев

ISBN 978-5-91627-057-0

© Межирова З.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Таинственный манок	7
Красный форт	8
Песня капель дождя	10
«Отчужденность чужой столицы...»	12
«И вот о былом не жалея...»	14
«Протаскиваю свое тело волоком...»	15
«У менеджера...»	16
«Окрик и свист... И мгновенно в сыреющем мраке...»	18
«Но стрёлки затвердили о своем...»	19
Дискотека	21
Записка	22
Фортепьянный этюд	24
Бухарский дворник	26
«Везде по морю...»	27
«По своей, чужой ли воле...»	29
«Мы – в вражьих станах. И наш с тобой...»	31
«И все равно тебя я вспоминаю...»	32
«Вечером тихим, дорогой лесной...»	33
Случайный гость	34
В тесных улочках Тифлиса...	35
О балете	37
Она	39
«Ржавые торжественные каравеллы...»	40
Бикертон роуд	41
Рваные строки	43
«Приезжай! Мы с тобой...»	46
«Незнакомый индиец...»	47
Арагонская хота	48
Небесный тупик	49
«Как зло слова твои заточены...»	50
«Предать – это значит покинуть, продать...»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Зоя Межирова Часы Замоскворечья



...Одно – и знакомое и незнакомое – имя: Зоя Александровна Межирова .

Безупречная точность самовыражения, полная слитность внутреннего лиризма с пластическим его осуществлением, душевного жеста с жестом стихотворным обеспечивают ей право на безоглядную самостоятельность .

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

Как много трепетного понимания в стихах Зои Межировой. Понимания чужой беды и боли, беспощадного хода времени, понимания главных истин и ценностей нашей быстролепящей жизни. И как прекрасно – точно и возвышенно выражает она это понимание в своих высоких и удивительных стихах.

Среди многих талантливых ныне живущих русских женщин поэтов я не знаю более живой и сильной, чем Зоя Межирова.

Анатолий ЖИГУЛИН

Нелегко быть дочерью знаменитого поэта, особенно если ты пишешь стихи. Жизнь Зои Межировой сложилась неожиданно для нее самой – она уехала в США, вышла замуж. Муж, неординарный американец, умер. Зоя осталась совсем одна. А вот стихи продолжает писать и, конечно, по-русски. Стихи прозрачные, наполненные терпкой печалью.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Зоя, сознаешь ли ты, знаешь ли, что тебе дано то, что почти ушло из русской поэзии – лирическая стихия...

Александр МЕЖИРОВ

Зоя Межирова – поэт глубокий, вдумчивый, немногословный истинный мастер!

Перечитайте ее стихотворения «Часы Замоскворечья», «Старые вещи», «Мир за стеной где-то там, в отдаленье...», «Давно от всех событий...» и многие другие – это законченные новеллы в стихах, запечатленные – мастерски! – мгновения жизни, судеб, истории, современности.

Редко встретишь у нее так называемые «риторические» стихи, но, если и встретишь, то они звучат великолепно – и настроением, и своеобразной их новизной. Так, например, одно из ее таких стихотворений – «Дискотека» («Мы молоды – и потому вовеки не умрем...») я перепечатывал на машинке и дарил – молодым поэтам (приходящим ко мне со стихами) – для учебы, для уточнения и укрепления жизненного тонуса и настроения.

Мне – в этих стихах – очень дорога дерзкая вера автора в бессмертие жизни.

Михаил ЛЬВОВ

Таинственный манок

Зоя Межирова, которая выпустила в России две книги стихов, продолжает писать и публиковать их, живя в штате Вашингтон, США. У нее несомненный лирический дар, а то одиночество, на которое она обречена, судя по ее лирическим признаниям, является замечательным допингом для творчества. Как говаривал князь Вяземский: «Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекрасная струна его лиры».

Говоря об одиночестве, имею в виду прежде всего лингвистическое: даже граждане русской диаспоры стараются заменить родной язык благоприобретенным воляпюком.

Еще один двигатель поэзии Зои Межировой – бессобытийность ее американской жизни, даже если эта бессобытийность кажущаяся: «Весь мой бессобытийный, на разлuku потраченный год...» Напомню, что один из лучших рассказов Чехова – «Скучная история». Нет, я далек от того, чтобы сравнивать Зою Межирову с великим русским прозаиком, да и темперамент не тот. У нее как раз повышенная, драматическая реакция на мир окрест: именно ввиду этой – все равно, субъективной или объективной – бессобытийности. В этом манок ее поэзии, хоть и не единственный.

Для Зои Межировой событием является то, что на поверхностный взгляд, до этого ранга не дотягивает. Но художник заново выстраивает иерархический ряд, и желание Акакия Акакиевича приобрести новую шинель в плане эстетическом не менее значимо, чем желание Гамлета отомстить за поруганную честь матери и убийство отца. Весь вопрос, насколько художник убедителен. Зоя Межирова умеет настоять на своем, и ее рассказы о магазине восточной бронзы либо о госпитале Святой Марии захватывают читателя.

Да, она – отличный рассказчик, что среди стихотворцев случается не так уж часто. Сюжеты у нее напряженные и сентиментальные (без уничижительного оттенка этого хорошего слова). Все это не мешает ей быть также проникновенным лириком. Сюжетные и лирические стихи замешаны у Зои Межировой на сильной, я бы сказал – волевой эмоции, хотя, конечно, в своих стихах она женщина с ног до головы, и автору этих строк немного даже жаль, что он знаком с ней только заочно – «путем взаимной переписки». В том-то и дело, что при чтении таких ее стихов, как «Все ящики в Нью-Йорке для отбросов...», «По своей, чужой ли воле...», «В госпитале Святой Марии...», «Восточная бронза» не отпускает чувство, будто знаком с этой женщиной давно и близко. Это ли не свойство настоящей поэзии?

*Владимир СОЛОВЬЕВ
Нью-Йорк*

Красный форт

В Красном Форте старого Дели,
Чьи сапфиры спят на прилавках
И смеются ветрено изумруды,
У стены глухой и великой
Почти терракотового цвета,
Где автобусы съезжаются на площадь,
С самого утра и до заката
Под шелково-палящим солнцем
Нищая девочка с ребенком
Встречает иностранных туристов.

Она ничего у них не просит,
Что как-то чудно и необычно,
Весела и резва в тряпье цветастом.
Но минутами взгляд ее глубокий
Вдруг задумчив, хотя и без грусти,
И тогда становится серьезным.

На руках больного ребенка
Вечно полусонного таскает,
Вовсе, кажется, не замечая
Судорог его улыбки странной.

То к бедру прижав, а то в обнимку
Ходит с ним по площади гудящей,
Возникая то тут, то там без цели,
Радуюсь лишь тем, что жизнь встречает,
Никому не нужна в жаре столичной.

Я зашла в раскаленный автобус
И оттуда протянула ей плитку
Чуть подтаявшего шоколада,
Чтобы на меня опять взглянули
Темные глаза, где пламя в пепле.

Радостью такой, какую в лицах
Так нечасто отыскать возможно,
Той, которую теперь вовеки
Позабить, наверно, не удастся,
Полыхнули они и засветились.

Обхватив поудобней ребенка,
Шоколад под худенькую руку
Сунула ему и так прижала,
Улыбаясь, тихого младенца,

Что сразу стало понятно —
Нет счастливее ее на свете.

Просто так, а не за услугу
Принимая случайный подарок,
Улыбнулась такой улыбкой,
Словно меня и раньше знала,
Будто я ей не чужая,
Постояла несколько мгновений
И снова куда-то исчезла.

Загудел тяжелый автобус,
И стена терракотового цвета
За стеклом поплыла под солнцем мимо.
Красный Форт за спиной оставался.

Только вдруг заглох мотор – как видно,
Вышла какая-то неполадка.
И минуту мы еще стояли.

Я тогда опять к окну прильнула —
Не появится ли где-то рядом?..
Так и есть, смотрю, стоит у стекол
(Все же догнала, чтоб проститься),
Мне в лицо, как прежде, улыбаясь.

Навсегда прощай, уже во веки
Не увидимся больше с тобою!
Все поплыло мимо, только помню —
Смуглая рука еще мне машет.

В тот день у Красного Форта,
В далеких и чужих широтах
Я тогда поняла такое,
Что уже и счастья не надо, —
Жалкая, пустая затея.

Песня капель дождя

Г. М.

В дождь, в грусть
Все становится
На свои места,
Потому что никто не торопится
Никуда.

В шелестящий дождь,
Провисающий сетью
Над морем покатых крыш,
Ты когда-нибудь
Позвонишь.

Будет сумрачный голос
И глух и хмур.
Я искала тот звук,
Шаря взглядом слепым
Среди нот, на попитре лежащих,
Годов-партитур.

Затвердила до обморока
Спотыкающийся,
Горько-терпкий,
Шершаво-гортанный акцент,
Как прилежный упрямый студент.

Низкий звук этой ноты,
Восстав над ненужностью слов,
Мне слепил из реальности снов.

Он вот-вот прикоснется
Отвесною тенью
Безветренной стаи дождя,
Снова прежний напев поведя.

Вновь ему все равно —
Время дальше торопится
Или отхлынуло вспять...
Снова он... Мне ль тебя не узнать?..

Что мне делать, когда
В этот тихо подкравшийся миг,
Сквозь беззвучный растерянный час
Номер мой набираешь сейчас?..

«Отчужденность чужой столицы...»

Отчужденность чужой столицы
Прибалтийской страны укромной.
Дни аннексии. Тленье пепла.
Черепичные крыши Европы.
В парках невозмутимых тюльпаны.
На брусчатке голуби, дети.
И язык тех мест незнакомый.

Алма Яновна вяжет на спицах
Толстой шерстью тяжелый свитер.

Проживает одна в просторной
Светлой комнате старого дома,
Где высокие окна от пола
И сверкает паркет навощенный.
На столе деревянном салфетки,
То ли шерсть, то ли хлопок жгутами,
С бахромой нарядной по краю.
Желтый цвет янтаря на каждой.

Так и помню ее, седую,
Аккуратная стрижка и руки,
Окруженные спиц порханьем.
Объясняла трудные петли,
Говорила какие нитки
Деревенской крученой шерсти
Надо мне купить на базаре,
Где осенних цветов изобилье.
На окне высоком от пола
Было много горшков с цветами.

Дни на хмуром песчаном взморье,
Между сосен дюнная дача.
Элегантные магазины,
Непустеющие прилавки,
Под пятой имперской тяжелой
Не терявшие лоск всегдашний.
И душистый хлеб пеклеванный,
Тот, что рижским в Москве считался.
Все родное. И запах сладкий
Торфяной, если печи топились.

Эту землю я бы узнала,
Даже если глаза закрыты,
По шуршанью дождей на асфальте.

Алма Яновна вяжет из толстой
Теплой шерсти тяжелый свитер.

Вновь сюда приехав однажды
По прошествии лет немалых,
Я решила зайти к ней в гости,
Как в года былые с букетом.
Позвонила. Дверь приоткрыли.
И в ответ, посмотрев исподлобья,
Известили коротко, жестко,
Что зимой умерла. И сразу
Дверь захлопнулась. Я осталась
В полумраке лестничной клетки.
Повернулась. Нетвердым шагом
По ступеням чугунным спустилась,
Из подъезда на улицу вышла,
Всю залитую теплым светом.

Алма Яновна... Сны из детства...
Неприятнь я помнила эту
И сочувственно замолкала,
В несогласном живя согласи
С затаенной ее причиной,
Стыд бессильный топя в смущенье,
В безмятежности дней любуюсь
На дожди твои и костелы,
Твоего языка не зная,
Проходя по старинным паркам,
Обживая чужую дачу
У песка на янтарном взморье.

Все слова мои неуместны,
Как в руках букетик мой жалкий,
Так беспомощно опоздавший,
Знак привязанности безмолвной,
Что к тебе я несла в то лето.

Но молчат петухи на шпильях
Иностранного государства.

«И вот о былом не жалея...»

И вот о былом не жалея,
В чем будешь почти что права,
Смотрителем зала в музее
Ты станешь работать сперва.

С безумством последнего риска,
Сквозь множество колких преград
Поблизости от Сан-Франциско
Ты жизнь поведешь наугад.

Из снежных заносов России,
Как остро отточенный нож,
Не помня усмешки косые,
Ты в это пространство войдешь.

И чуждый язык, наплывая,
Возьмет в небывалый полон,
Как будто волна штормовая,
Диктуя свой новый закон.

И мертвые ставя зарубки
На этом витке бытия,
Здесь будет лишь голосом в трубке
Страна ледяная твоя.

«Протаскиваю свое тело волоком...»

Протаскиваю свое тело волоком
Сквозь гул нью-йоркских щедрот,
Где медный заяц летит над колоколом,
Слушая свой полет.

Где на Бродвее, прося подаянье,
В наушниках черный слепой,
К прохожим без видимого вниманья,
Танец затеял свой,

И на асфальте, судьбой не смяты,
Жизнью не дорожа,
Беспечные уличные акробаты,
Смертельные антраша.

Вопли сирен в Никуда – Ниоткуда.
Солнцем над сквером палим,
В позе нирваны джинсовый Будда
Пьет сигаретный дым.

Что улей Столицы Мира сулит мне,
Меняясь сто раз на дню?..
В отдельном от всех существующа ритме,
Бреду сквозь бред авеню.

Нью-Йорка яростная утроба,
Безумья и грез обвал.
Мираж стартующего небоскреба —
Приказ взлететь запоздал.

Но вечен вихрь вселенских тусовок
Наций, пространств и дней, —
Он ловок в сценах гигантских массовок
Без всяких главных ролей.

Вéка заокеанская Мекка.
Души неприют, разброд.
А тело – втянутая помеха
В энергий круговорот.

«У менеджера...»

Памяти мужа Джона Стидли Джебкинса

У менеджера
Непреклонные скулы
И хватка акулы.

И вся его бодрость
Лишь вечная ширма,
Чтоб выжила фирма.

Выигрывающая
Эта команда —
Страны доминанта.

Они энергичные,
Эти ребята,
Иначе – расплата.

А ты этот ритм
Заменил на поспешность,
Английская внешность,

И вроде бы свой,
Но чужой от рожденья —
Улыбка смущенья.

Хоть, кажется, принял
Все эти законы,
Что тут не заемны, —

Такие, как ты,
Не в почете у босса,
И нет на них спроса.

Тебе эта жизнь
Не годится в подметки,
И тихий, и кроткий,

Могучею фирмой,
Что дни твои тратит
И много не платит,

Неделями без выходного
Распятый
За мизер зарплаты,

Ребенок седеющий,
С вечной святою
Мечтой золотою,

Без тени обиды
В душе не убитой,
О рае Флориды ¹.

¹ Мечта наивного идеалиста Джо Бака (актер Джон Войт) из фильма «Полуночный ковбой».

«Окрик и свист... И мгновенно в сыреющем мраке...»

Окрик и свист... И мгновенно в сыреющем мраке
Шелест по листьям откуда-то мчащей собаки.
Дальний фонарь. И теней мутноватый клубок.

В час этой мертвой, пустынной, безлюдной прогулки
Снова промчалась в осенней ночи переулка,
Вихрем свободы и верности встала у ног.

Сад опустел. И костры по дворам отгорели.
Странные теплые перед зимою недели.
Окна желтеют, и голые сучья черны.

Отсветы стылой воды на дороге у края.
Что-то не ладится. Дней этих не понимаю.
Впрочем, не вижу ничьей тут особой вины.

Дальше идем и по влажному долгому следу
Тянем опять молчаливую нашу беседу
Темной прогулки сквозь дождь, морозящий тайком.

Произносить все слова ни к чему и напрасно.
Знаешь, наверное, всё. Оттого и безгласна.
Сад. Переулок. И тающий призрачно дом.

Снова свищу. Подбегает. Ошейник на шею
Вновь надеваю, того и сказать не умея,
Что этот мудрый и пристальный взгляд говорит.

Тянет на мокрую землю, где запахи млеют.
(Как эта ночь по глубоким дворам цепенеет...)
Лижет холодную руку, зачем-то жалеет.
И по асфальту к подъезду легко семенит.

«Но стрёлки затвердили о своем...»

М. Л.

Но стрёлки затвердили о своем.
И до восьми —
уже осталось мало.
У входа в тот
оцепеневший дом
Машина одинокая стояла.

Забить об этом и не вспоминать,
Не прикасаться к снам, что память копит...
И вроде невозможно продолжать,
Но дальше говорю, и стих торопит.

Не опоздала. Вовремя пришла.
За дверью нервно разговор прервался:
– Перезвоню...
И сразу поняла —
Он ждал давно и тяжело волновался.

Открылась дверь.
И – вот он на пороге
Июльской душной и предотпускной
Пустой квартиры.
И глаза в тревоге.
Растерянный, смущенно сам не свой.

Как будет всё? Невероятность встречи,
Которой так безмерно дорожу,
Не думая, взвалил себе на плечи...
Не выдержит, заранее скажу.

Она была случайным отголоском
Той жизни, что из юности, другой.
И все же, оплывая жарким воском,
Какой ни есть сюжет имела свой.

И та, что в этот вечер перед ним, —
Да и сама она об этом знала, —
Всем юношеским обликом своим
О друге прежних лет напоминала,

С кем ослепила ссора навсегда,
Навечно развела, непоправимо,
А если и встречались иногда,

То отчужденно проходили мимо.

О том уже никто не вспоминал.

Ненужною с годами тема стала.

Зачем же он

ее к себе позвал?

Пришла зачем —

она сама не знала...

Заветные мечты не сделать явью.

И потому

запретный взгляд лови

И возвращай, все навсегда оставя

На грани восхищенья и любви.

На улицах давно прохожих нет.

И, редкую машину карауля,

За окнами наметился рассвет

Удушливого знойного июля.

Их время тополиным пухом прочь

Легко и незаметно отлетело.

Никто ничем не в силах им помочь.

Да и кому до них какое дело.

Пора... В руке помедлила рука...

И он сказал: – Благодарю за вечер.

Но каждый знал почти наверняка,

Что будет их последней эта встреча.

Живи, покуда жив, и не проси

У жизни благ иных, везений прочих.

Зеленый свет внезапного такси

Притормозил в пустых пространствах ночи.

Простились. И машина унеслась.

В скрещеньях улиц затерялась где-то.

Они встречались мельком, и не раз.

Но стоит ли рассказывать про это.

Дискоотека

Мы молоды – и потому
Вовеки не умрем.
Вот эта музыка звучит, —
Ведь и она о том.

Вращающийся черный диск
Пророчит, что сейчас
Взойдет бессмертье над землей, —
Оно начнется с нас.

Мы молоды – и не умрем,
Миг на века продлив.
Он воцарил верховный ритм
И упразднил мотив.

Записка

На осьтопус² и белое вино
Тебя запиской этой приглашаю,
В ту приглушенность дымного агата,
Мерцающего глыбой на Бродвее
Волокнами вечерних голосов
Сквозь хрупкость звона тающих бокалов,
Где год назад (как мчится, ускользнув,
Непойманное ветренное время)
Вполголоса, но жарко обсуждали
Переливающиеся мечты.

Мне так хотелось тайну описать,
Загадку рассказать стихотворенья,
Чьи строки долго повторяли мы,
Охваченные музыкою слов.
А ты, делясь и ношей, и блаженством,
Мне говорил о делящейся работе,
Название которой не посмею
Произнести, пока не завершил.
В молчанье потоплю величье темы.

Подслушивал замедленный Нью-Йорк,
Дневную спешку наконец-то сбросив,
Беседы наши о скитаньях жизни
На многотрудных узких тропах духа.
...Официант на стол бокалы ставит
В беспечном оживленьи голосов,
Протянутых, как млечные волокна,
Сквозь дымный полусумрак ресторана,
Агатом ставшим на исходе дня.

...Всегдашняя упорная забота
И бесконечная слепая цель —
Всё в ритме ускользящих минут
Навеки рассказать,

Наперекор,
Наперерез
Быстролетящей жизни...
Вот и сейчас я вижу те часы...

Прислушайся... опять нью-йоркский сумрак,
С прожилками агат иссиние-дымный,

² осьтопус — от греч. осьминог.

Почти что перелившийся в записку,
Которую кладу тебе под дверь,
Столицей Мира мимо пробегая,
И сизый океанский осьминог
На белизне блистающей тарелки,
Легко смеясь, как прежде зазывают
За прежний столик наших разговоров
О днях судьбы на тесных тропах духа.
Чтоб снова их подслушать сквозь мечту.

P. S. Дверь отворив, записку не смахни
Из тамбура ворвавшимся порывом.
Теперь уже за ужин – я плачú.
На этот раз мне в этом не перечь.

Фортепьянный этюд

*Выдающемуся пианисту, исполнителю-виртуозу
Александру Избицеру*

*Рассохся старьёй инструмент
И дождик за окном...*

Из стихотворений Ани Алихановой

Почти что клавишный звук,
И клавиш пожелтевший ряд.
Но не касалась их рука
Наверно, двадцать лет подряд.

Как зачастит осенний дождь,
Решу, что наступил момент
Позвать настройщика, чтоб тот
Наладил старьёй инструмент.

Я позвоню ему тогда
В вечернюю сырую муть,
И скажет он, что сможет к нам
На той неделе заглянуть.

Не треснула ли дека, вмиг определит,
А если нет,
То станет струны подправлять,
Молчавшие немало лет.

Уроки музыки, звеня,
Осыпят блеском потолок.
Уже не раз о том просил
Ребенка тихий голосок.

Но всё не верили ему,
Не понимая до конца,
Что тайный отсвет осенил
Упорство бледного лица.

Кто властно повелел ему
Оставить игр веселых прыть?
Зачем он захотел часы
В жестоких гаммах потопить?

Кто нашептал о высоте,

В которой дух свободой пьян,
Чтоб воздух снова мог томить
Всесильной музыки обман?

Он потянулся вдруг туда.
Никто не настоял, он сам
Решил приблизить к сердцу то,
Что брезжит за скольженьем гамм,

Что обращает беды в тлен,
Что в оде «К радости»³ поет, —
То, что ничем не заменить,
Что никого не подведет.

³ Ода Бетховена.

«Везде по морю...»

Везде по морю
С самого утра
Снуют
Прогулочные катера.

А рядом лодки,
Прорезая зной,
Как яркий снег
На глади голубой.

И целый день,
Слегка глаза прикрыв,
Так весело
Нащупывать мотив,

Улавливая,
Как он сам идет
Легко навстречу
По свеченью вод.

Смотря в морскую даль
Сквозь этот свет,
Поверить просто
В то, что смерти нет.

Ведь лишь об этом
У прибрежных плит
Сейчас волна
Так ласково шуршит.

Лишь это в ветре,
Что со всех сторон
Летит сквозь мреющий
Слепящий сон.

И катер,
Волны расшибая влет,
О том же
В ослеплении поет.

Все это новый
Повторит рассвет.
Пусть – ложь, обман, —
Прочнее правды нет.

И потому,
Ее бессменный страж,
Об этом же —
Поспешный карандаш.

«По своей, чужой ли воле...»

Илье Левину

По своей, чужой ли воле —
Дом с окном на Капитолий,
И давно со всех сторон
Влажный важный Вашингтон.

И, надетые с размаху,
Дни совсем иных широт,
Будто новая рубаха
Впору, только ворот жмет.

Он не весь из прежних убыл.
Вдалеке хрустальный купол
(Не Исакий, боже мой!..)
Четко виден в час ночной.

– Каторжная жизнь, – вздыхает.
За окном совсем светает,
Но бессонно факс шуршит
И компьютер порошит.

В зарослях аппаратуры
Не заснуть и не проспать.
Складки штор за креслом хмуры,
Буквы аббревиатуры
Расплываются опять.

Я случайно не нарушу
Этой жизни колею.
Разгадать чужую душу
Так же трудно, как свою.

На каких-то пару суток,
За собой спалив мосты,
В вашингтонский промежуток
Я с судьбой его на ты.

Сердце-устрицу не сложно
Занавесить скорлупой,
Очень скрытной, осторожной,
Слишком хрупкой, но глухой.

Там под ней чужая рана,
Разъедающая грусть.

Я ее ломать не стану,
Даже и не прикоснусь.

Бережно ее не трону.
Буду так же потаенно
Дней плести слепую вязь,
Лишь улыбкой заслонясь.

Через пропасти влекома
Случаем или судьбой
От родимого Содома,
Так любимого и мной,

Принимая все как милость,
Без надежды и мечты,
Я сама сюда вломилась
С пепелища темноты.

И, везенью неудачи
Отдавая все на слом,
Бьюсь, как бабочка, незряче,
В этом городе чужом.

Влажным жаром щеки студит,
Льющимся из тьмы в окно,
И теперь что дальше будет,
В общем как-то все равно.

Может быть, в судьбе помарка,
Может, новая межа.
В медленных и пышных парках
Летняя трава свежа.

К этой жизни прикоснувшись,
Ухожу своим путем,
Мимолетно улыбнувшись,
Потому что ни при чем.

Впрочем, я нечаянно знаю,
Что и горе – не беда.
Не прощаюсь, исчезаю,
Растворяюсь без следа.

«Мы – в вражьих станах. И наш с тобой...»

Мы – в вражьих станах. И наш с тобой
Сражений путь предрешен.
И ты – возлюбленный недруг мой
Длины веков испокон.

Иным ты вовсе не должен быть
В извечной этой войне.
И целей разных нам не избыть, —
Таким лишь нравишься мне.

В согласие только с самим собой,
В лукавстве прежних дорог,
С бессмертной, как и твоя, душой
Лишь так обойтись ты мог.

«И все равно тебя я вспоминаю...»

И все равно тебя я вспоминаю.
Но ты – как бы уже за пеленой.
И время, безутешный след смывая,
Забвеньё шлет возвратною волной.

И часто отзвук дней прошедших слыша,
Уже и сердце вовсе не теснит.
Но все-таки, хоть стала глуше, тише,
Вдали опять мелодия болит.

Она минувшим не переболела,
И память ей не стала тяжела.
И то пылала музыка, то тлела,
Но все же не остыла, как зола.

И, созданный тоской воображенья,
Пролитое мечтою через край
Мучительно-пустое наважденье,
Не приближайся и не исчезай!..

«Вечером тихим, дорогой лесной...»

Вечером тихим, дорогой лесной,
В сумерках, наугад.
Что там за шорохи за спиной?
Кажется, лыжи твои шуршат...

Сердце в груди на мгновенье замрет
И оборвется полетом листа.
Но золотая догадка блеснет,
А за спиной – темнота.

Только от искры, как вздрогнувший конь,
Льдистой поземкой покроется пруд.
Только глаза, словно вялый огонь,
Вспоминаньем цветут.

Случайный гость

Я знаю, что дверь приоткроется вдруг
(Вновь скрип ее станет певуч),
Беззвучно засветится воздух вокруг —
И он проскользнет, словно луч.

Подъездом, где тусклая лампа горит,
Украдкой пройдет, точно вор,
И легкой беспечностью заполонит,
Как ветром, сквозной коридор.

Играет на флейте кудрявый Апрель,
Пославший гонца своего.
Тот движется так, будто узкая щель
Слегка прищемила его.

Он в комнату, как дуновенье, проник —
И сразу освоился тут.
На старом саксонском фарфоре в тот миг
Левкоев стручки расцветут.

В пространство иное шутя уведет
Беседы искрящейся нить.
Внезапно он тяжесть вещей украдет
И время заставит забыть.

Он яви с мечтой перепутал напев,
Попробуй ему не поверь.
За все это, как-то хитро посмотрев,
Он просит прощенья теперь.

В тесных улочках Тифлиса...

Лали Шукрашвили-Конлан

Утоли мои печали,
Мой прекрасный ангел Лали.
Позвони мне в выходной,
Бережный куратор мой.

Ты по зову прилетаешь
И легко отодвигаешь
Все сомненья этих дней
Силой властною своей.

Колхидянка, танцовщица,
Мечется горох по ситцу,
И беспечность бытия —
Мудрость вечная твоя.

Ты сошла на землю прямо
С фресок мреющего храма,
И повадок танец твой
Легкокрыло-неземной.

Здесь, в американских штатах,
Сердце трепетное в латах, —
Нежную газелью прыть
Надо чем-то заслонить...

Посади в свою машину,
Выпрями стальнойю спину.
И в слепящем зное дней
Нас опять умчит хайвей.

Мы прикатим в быт укромный,
В приозерный дом огромный,
Где высоких окон ряд,
И за ним холма накат.

Разложи свои модели,
Что мечту твою пропели,
Уведи на вернисаж
В их немислимый мираж.

За бокалом «Цинандали»
Приоткрой свои печали.
Сигарет глотая дым,

На балконе посидим.

Чтоб в себе не заблудиться,
Надо с кем-то поделиться.
Вспомни все, в одно свяжи,
Жизнь свою мне Расскажи.

Вечно до всего мне дело,
Слушать я всегда умела.
А волненья прошлых лет —
Просто приозерный свет.

В Кении убитый мужем
Тигр распластанный, и ужин
Между делом, между слов
На плите почти готов.

Сумеречный свет непрочен.
Грез и снов театр окончен.
И пора уже домой,
Истекает выходной.

В тесных улочках Тифлиса
Мгла такая же повисла...
Может, в городе родном
Ты под старость купишь дом.

Там зимы сырая слякоть...
Улыбнись, чтоб не заплакать.
Но об этом – не сейчас.
Поздний час торопит нас.

Мчится темная дорога.
Тем у нас еще так много.
Их порожиста река.
До свиданья. До звонка.

О балете

Резкий голос, под вальсы
Отдающий приказ.
Этот зал назывался
По-балетному – класс.

В перерывах недолгих
Помогала слегка
Апельсинная долька,
И воды – ни глотка.

Шаг особой походки
Прочим – не передать.
Повелительней плетки
Вечный окрик – «Держать!», —

Застывают батманы —
Взмах натруженных ног.
Здесь не нужны румяна.
Середина. Станок.

За окном отключенно
Кто-то долго стоял.
Отжимали хитоны.
Сторож свет выключал.

И походкою той же
Через мир городской
Вечерами всех позже
Возвращались домой.

Ныло тело ночами,
Привыкало с трудом.
Было трудно вначале,
И не легче потом.

Помню узкие лица,
В звуках тонущий свет,
Воздух тех репетиций,
Тот жестокий паркет.

За пределами воли,
Где – не тело, а дух,
Нет страданья и боли,
Лишь – движенье и звук.

Там улыбкою славы
Окупались вполне
Пол сухой и шершавый,
Зеркала по стене.

Она

Он попридерживал ее
На всякий случай до поры,
Привыкший круто брать свое
Сквозь темный пыл глухой игры.

На всякий случай, случай злой
Порвать с ней прямо не спешил.
Но начал флирт с её сестрой
И, наконец, совсем отшил.

Во всем он снова взял свое.
Но пусто в жизни без нее.

«Ржавые торжественные каравеллы...»

Ржавые торжественные каравеллы
Продаются в лавочках Барселоны.
И редко какую-нибудь из них
Купит, как сувенир, иностранец,
Чтобы поставить потом в кабинете
Рядом с трубками и кисетом,
Пряно пахнущим табаком.

Он станет медленно вспоминать,
Как там, вдалеке от зябких широт,
В пестроте и гомоне юга,
У причала, где ждет туристов фиакр,
Среди прогулочных яхт
Стоит одинокий фрегат Колумба,
И лазурное небо слепит глаза,
И спокойно осеннее море.

Бикертон роуд

Памяти Маши Алигер

Пусть солнце одно над нами
Во тьме не жалеет света,
Старая строгая Англия —
Совсем другая планета.

Я все обошла препоны
И, здесь оказавшись чудом,
Нашла, что ее газоны
Слепят чужим изумрудом.

На острове с моря ветер
Дул зябко и угловато.
Я вечером выходила
К ближайшему автомату.

И, вроде бы как соседка,
Хоть вовсе с тобой не схожи,
Звонила тебе нередко,
Ведь ты из России тоже.

Мы неподалеку жили
Растерянно и отключенно.
В северной части Лондона
Смыкались наши районы.

Звучал звонок осторожный
В твоём неприютном доме,
И шелестел твой голос
Сумерек невесомей.

Во время встреч и прогулок
Была оживленной вроде.
Я так и не догадалась,
Что боль твоя на исходе.

Хоть здесь прожила немало,
Чего-то недоставало.
Меж Лондоном и Россией
Бездомно метаться стала.

Удача ли изменила,
Изъела ли дни растрava,
Решила то, что свершила,

На что не имела права.

Мне кто-то сказал об этом
В предзимней Москве незрячей.
В земле ее прах твой стынет,
Да только с душой иначе.

И Тот, чье имя святится,
Неужто мне не позволит
За бедную заступиться,
К молчанию приневолит?..

Бесслезно тебя оплачу,
Но, не одолев остуду,
У гроба стоять не стану,
Прощаться с тобой не буду.

В районе твоём высоком
Опять при любой погоде
По улочкам викторианским
Всё так же с тобою бродим.

И хоть недавно знакомы,
Друг другу близки, поскольку
Любая земля чужая —
Чужая земля и только.

Сюда не смогла вернуться
И там не могла остаться.
Сместившей в пространстве время,
Так просто в них затеряться.

Прощай! Запахни потуже
В мёрзлых метелей стужу
Свою одинокую душу,
Всё дальше она, всё глуше...

Рваные строки

Я прилетела в Рино. В сияющий аэропорт.
И сказала: – Ад. Я прибыла из ада.
Изобретательный дьявол
Такого б не мог создать.
Бастовали шахтеры. Взмывали цены.
Манежную било в падучей.
Ползло студенистое тело путча.
И вот под крылом самолета Невада.
Всё то, что вместило протяжное
И безучастное слово – расплата,
Не надо опять вспоминать.

Бесшумный лоск.
И вежливые повсюду – «Икскюз ми», «Сóри».
Огней неведомых море
И случайных улыбок море.
Не рассказать, как выпустили,
Как билет удалось достать.

Злополучную визу
По безмятежной ошибке
В американском посольстве дали.
И через Хабаровск, пустой и хмурый,
До Сан-Франциско
За пачку заморского чая
Мне протянула через окошко билет,
Оттого, что сжалилась почему-то,
Аэровокзальный ангел,
Агент по имени Галя,
Усталая женщина
Удрученных измученных лет.

Казино на плато.
Можно выбрать любое по настроенью.
И, от себя ускользя,
Нырнуть с головой в ослепительный шум.
И следить, как восточный хозяин
Обходит свои владенья неслышную тенью,
Бриллиантом кольца небывалых размеров пугая,
Совсем не весел, в отличие от всех,
И даже угрюм.

В «Кларионе» зелень ковра мягка,
И цветы по нему розовеют,
Внимая руке,

Выпускающей карты из плотной колоды на волю.
И бесплатных напитков подносы
Пронесят, в тугих купальниках,
Наподобье балетных трико,
Длинноногие официантки.
И кости шуршат по сухому суконному полю.
И Везувий над рушащейся Помпеей
На полушарье родном далеко.

Далеко Солянка. И дождь моросит
На Кольце Садовом.
И на Цветном в подъезде
Слабая желтая лампа горит.
Разбитая лестница. Смрадный лифт.
На четвертом живет подруга Наташа Щеглова.
Но сейчас – у матери,
Сдаёт иностранцам квартиру,
Чтоб концы с концами свести
И хоть как-то наладить быт.

Перед отъездом – обмен валюты.
Законы толпы безжалостно-люты.
Переключка в семь.
Номера на ладонях. Галдеж.
Милиционер аннулировал списки,
Чем терпеливых граждан привел в состояние смуты.
Ведь с зимы отмечались,
С работы отпрашивались.
А теперь что ж?..

А в черной очереди за маслом
По ценам, пока что ниже тех, что на рынке,
Зимою холодно
И у батарей, за дверью, – хорошо, что напротив дом,
Толкуются люди, отогреваясь,
Обсуждая политику и ее новинки,
И обратно покорно в срок возвращаются,
От тепла отрываясь с трудом.

Сон в Неваде приснился (опять повторился),
Что в булочной хлеб у метро покупаю.
Независимость от ностальгии,
Которую многие тут повсюду стремятся изобразить, —
Унизительная бравада,
Грех гордыни и ложь пустая,
Чтоб себе в трагедии не признаться
И несчастными не прослыть.

Замыкается круг.

Никогда никуда никому из него не выйти.
Он пространство сдавил,
Реки времени вспять повернул.
Казино даже ночью открыты.
Колеса Фортуны
Вертятся по наитью
В направлень обратном,
И подступает вплотную,
Все звуки собой заслоняя,
Какой-то глухой и подспудный гул.

Слот-машины безумье —
В огни зазывные приманка.
Бойко центы в отверстие бросает
В надежде на выигрыш американка.
Эти рваные строки
Она не поймет, не прочтет.
Дождь со снегом сечет
По Москве, по траве,
По ее неанглийским газонам,
Бьет наотмашь в лицо
По своим третьеримским,
Неведомым миру, себе лишь известным законам.
И пространство и время, которых и нету,
Не в счет.

«Приезжай! Мы с тобой...»

Приезжай! Мы с тобой
На разных концах страны —
Чужой вселенной,
В которой не были рождены.

Весь мой бессобытийный,
На разлуку потраченный год
Наконец-то кончается,
И встречи пора настает.

Я потеряла всё —
Страну, родню и семью.
И за пристрастье к земному
Расплаты отраву пью.

Как песок, нас рассеяло,
Как взрывом швырнуло прочь.
С пустырей одиночества
Окликаю родную дочь.

Приезжай. Не страшись
Этой бешеной стрелки часов.
Снова дом за хайвеем
Для встречи короткой готов.

Не заплачу перед расставаньем,
Слова подбирая навзрыд,
Возвращаясь опять в пустоту,
Что улыбкою Будды слепит.

«Незнакомый индиец...»

Незнакомый индиец,
Сидящий вдали за компьютером,
Тронув меня за плечо,
Поднес мне утром
Синюю сливу.

Арагонская хота

Здесь, в разряжённом пространстве,
В мире, мгновенном и ярком,
Часто могла я бывать.
И, замирая от страсти
На первом щелчке кастаньет,
Танцевать
Арагонскую хоту.

Если когда-нибудь вы
Слышали взрыва раскат, —
То помните,
Как вначале,
Сжатый тугим напряженьем,
Слышится воздух пустой,
До появления звука.

Первый щелчок кастаньет
Всегда одинокий и четкий,
Как взрыв напряженья,
Который
Мелодией невыразим.

Все начинается с такта,
В котором
Звучит пустота,
А дальше —
Стремительный танец.

В резком безудержном ритме
Кордебалета ряды.

Небесный тупик

Не ищет своего...

1-ое послание Апостола Павла к коринфянам

Через воздушной громады слои
И через мреющий зной —
Мерный полет вдоль цветочной струи,
Длящейся, плавной, сквозной.

В нем маргариток, ромашек и роз
Ровный и медленный путь,
Шепот шмелиный и шелест стрекоз,
Мне ли с него соскользнуть.

Все-то ему отрезвленья не в прок.
Скрипки служа ворожке,
К струнам поющим прильнувший смычок
Пользы не ищет себе.

Пытка, небесная ли благодать,
Как это ни назови,
Силе ее беззащитно сиять
В вечных пространствах Любви.

«Как зло слова твои заточены...»

Как зло слова твои заточены.
Как их безжалостны пощечины.

Ах, как твоя ничем не скрыта
Угрюмая самозащита.

«Предать – это значит покинуть, продать...»

Один из вас...

Предать – это значит покинуть, продать,
Совсем отступить, отдать.
Коварству измены безропотно сдать,
Лукавству ее присягать.

Мне слышался черного ангела визг,
Бушующий, вздыбленный гам
В слюны ореоле из колющих брызг,
Подъятом, как смерч, к небесам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.